

ИЗ ЭМПИРЕЕВ

ПОЗВОНИЛА одной из самых давних своих приятельниц, чтобы поздравить ее с днем рождения и наконец-то договориться о встрече — года три уже, болтая по телефону, заканчиваем разговор: «Ну, на днях повидаемся непременно, до скорого». А потом снова — дела, беготня, дом, работа не дают возможности выкроить часа два-три для встречи.

Позвонила с твердым намерением — видимся на этих днях! И оказалось, что мы никогда уже не увидимся, потому что две недели назад моя Нина умерла. И в драматической и всегда беспощадной суете, сопровождающей уход близких из жизни, муж ее забыл обо мне. Видит Бог, я не виню его в этом. И некого, нечего винить в том, что так мало дорожим мы общением друг с другом, только слишком поздно понимая, что с каждым днем сужается круг тех, кого мы любим.

Нина Белобородова не принадлежала к числу актрис, чьи имя и лицо на памяти театралов. Несколько работ в кино — не главных, так называемого второго и третьего плана. Работы на телевидении. И на протяжении нескольких десятилетий почти ежевечерняя работа в Центральном театре Советской Армии. Когда он стал Театром Российской Армии — работы стало меньше, но свою тоску по ролям Нина удивительно умела восполнять чтением пьес и «режиссированием» жизни других людей.

Семьи ей явно было мало — кипучая энергия и удивительная доброта, безграничная и простая, без пафоса, заставляли ее постоянно кого-то опекать, помогать, постоянно куда-то отправляться, чтобы поддержать, поговорить по душам, покормить, научить. Нина всегда играла в значительной степени самое себя — открытых и душевных русских женщин, которые всегда рядом, всегда разделят с тобой радость и беду. В первую очередь — беду. Но, глядя на нее на протяжении четверти века, с момента нашего знакомства и сразу же возникшей моей тяги, я именно с Ниной Белобородовой связывала такую болезненную и горькую тему, как актерская недовостребованность.

Есть такие актрисы, которых на протяжении десятилетий мало кто из режиссеров может по-настоящему раскрыть. День за днем, год за годом играют они в театре небольшие, нередко почти случайные роли, каждый раз надеясь, что произойдет чудо, и за примелькавшимся «типом» разглядят Актрису. День за днем, год за годом, а порой — десятилетие за десятилетием. А чуда все не происходит, и им суждено остаться тем черным хлебом, без которого самое изысканное кушанье может не полезть в горло. Тем незаметным и необходимым воздухом, без которого, по сути, нет театра.

Мне могут возразить, что талант таких актрис не ослепляет, не притягивает загадочностью. А мало ли дарований оказывается скрытыми под глубокими слоями, была бы пылливость раскапывать. Ведь хватило этой пылливости у Марии Осиповны Кнебель, в том давнем своем «Вишневом саде» давшей Нине роль Дуняши.

Роль, которую она сыграла так трогательно и грустно, что даже мелочи этой работы помнятся спустя четверть века. Да и сама Мария Осиповна не забыла об этом. В книге «Вся жизнь» она писала: «Мой строгий редактор считает, что большое количество фамилий делает книгу громоздкой и затрудняет ее чтение. Наверное, редактор прав. Но как оторвать память от Ани, Вари и Дуняши — Г. Ляпиной, А. Струтиенко и Н. Белобородовой? Как оторвать ее от Пищика — И. Рябинина и Яши — А. Кутелова?»

Это они — черный хлеб театра.

Сложилось так, что ушла из театра Анжела Струтиенко, одна из самых блистательных Варь, которых я так много видела за эти годы. Ушла из жизни Нина Белобородова, светлая, чистая Дуняша. Так ярко начинавшая свой путь в театре Галина Ляпина тоже играет сегодня куда меньше, чем могла бы сыграть. Отчего так нелепо все складывается? Кто виноват и что делать? Вопросы извечны и пусты, потому что, как свидетельствует реальность, слишком много на них ответов. А в данном случае, много — значит ничего.

Несмотря на непростую ситуацию, сложившуюся в родном театре, несмотря на очевидную свою недовостребованность, Нина постоянно жила театром. Каждый наш разговор начинался и кончался делами театральными, хотя другой человек на ее месте давно бы опустошился, не смог бы так загораться репертуарными планами, зная, что чуда вновь не произойдет.

Черный хлеб театра

Помню, два года назад она увлеченно, взволнованно говорила о новой пьесе, которую принимает, видимо, к постановке театр. Нина не говорила, как хочется ей сыграть героиню — она уже была ею, уже все прочувствовала, продумала, пережила. Заставила меня разыскать и прочитать пьесу — потом мы снова долго говорили о ней.

Пьесу поставили. Роль сыграла другая актриса. На премьере мы сидели с Ниной рядом, и она так переживала за спектакль, словно он был частью ее собственной жизни. Впрочем, почему «словно»? — все, что происходило в этом театре, было частью ее жизни, вызывавшей искреннюю радость и искреннюю печаль.

Мне страшно подумать о ней в прошедшем времени — звучит банально, но по-другому сказать не могу. Больше никакого чуда не произойдет, а потому всю оставшуюся мне часть жизни я обречена думать о тех, кто составляет черный хлеб подмостков. Думать с болью, которая, конечно же, ничего не изменит. С болью о моей Нине Белобородовой. С болью о тех, кто все реже выходит на сцену, но ничем другим жить не может и не хочет.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.